

DOI 10.35775/PSI.2024.111.11.035

УДК 32

Е.Р. ОЩЕПКОВ

стажер-исследователь, востоковед-международник
факультета мировой экономики и мировой политики
НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва
E-mail: oshepkov-er@rambler.ru
ORCID 0009-0002-4258-5281

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЯПОНИИ 2013 И 2022 ГОДОВ: ПРИЧИНЫ, ХОД И ИТОГИ ЭВОЛЮЦИИ ОТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА К ЗАВИСИМОСТИ И РЕМИЛИТАРИЗАЦИИ

Стратегия национальной безопасности – основной документ, который позволяет оценить последовательный подход государства к осуществлению военно-стратегической политики. СНБ 2013 года стала первым документом такого формата за весь послевоенный период. На его страницах Япония предстает самостоятельной, относительно миролюбивой и готовой к диалогу с соседями страной. Констатируется факт стабильности в переговорах с РФ и КНР, наблюдается также большая степень самостоятельности. Принятая в декабре 2022 года обновленная стратегия национальной безопасности Японии отразила другие политические реалии: украинский кризис и СВО, китайско-американские торговые войны, укрепление российско-китайского партнерства, а также общий рост напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Япония взяла более выраженный курс на демонизацию России и Китая, стала резко наращивать военный потенциал. Оба документа – СНБ 2013 года и СНБ 2022 года – подвергнуты контент-анализу и дискурс-анализу, а затем сравнительному анализу для обнаружения сходств и различий. Сделаны выводы о ряде характерных черт, присущих стратегии безопасности японского государства в 2013 по 2022 годы, которые позволяют судить о новых амбициях Японии в регионе, а также ее роли в глобальном противостоянии между западными странами и незападными странами, прежде всего, Россией и Китаем.

Ключевые слова: Япония, Россия, Китай, США, Стратегия, Безопасность, Стратегия национальной безопасности, российско-японские отношения.

Контекст создания Стратегии Национальной безопасности Японии 2013 года. На рубеже 2000-х и 2010-х годов японский премьер-министр Юкио Хатояма активно пытался добиться от председателя КНР Ху Цзиньтао гарантий безопасности (именно тогда был выдвинут концепт мира в пределах так называемого «Восточноазиатского сообщества»), однако ответ китайской стороны оказался

уклончивым; в то же время, связи Японии и РФ стабильно налаживались – как раз тогда заместитель министра иностранных дел Алексей Бородавкин публично заявил, что Москва и Токио не являются антагонистами, поскольку их политические курсы способны взаимно дополнять друг друга [6. С. 13]. Начало 2010-х годов Япония встречала на волне оптимизма (насколько таковой вообще имел место быть после «потерянного десятилетия» и прочих атрибутах внутренней турбулентности).

На страницах стратегии 2013 года японское государство предстает относительно миролюбивым (акцент часто делается на взаимовыгодном партнерстве с РФ/КНР, а также продвижении на азиатском континенте либерально-демократических ценностей), однако даже в этом позитивном дискурсе нашлось место для череды открытых претензий. Наиболее явная из них – территориальные споры с соседями (судя по всему, спровоцировать столь болезненную реакцию могли визит президента РФ Дмитрия Медведева на Курильские острова в 2010 году и военные учения китайских сторожевых кораблей вблизи островов Сэнкаку – также известных как Дяоюйдао – в 2012 году) [10. С. 207]. Стремясь вернуть одни территории и защитить другие, Япония делала ставку на авторитет своего «старшего партнера». На сохранение японо-американского альянса в те годы действительно был спрос, о чем свидетельствуют опросы Asahi Shimbun 2011 года (72% японцев не видели альтернативы американскому покровительству) [3. С. 13]. Тем примечательнее, что премьер-министр Синдзо Абэ старался как можно меньше показывать зависимость от политической воли Соединенных Штатов (прежде всего, в контексте обеспечения безопасности японского архипелага).

В 2013 году (то есть, на момент публикации первой СНБ) наибольшая угроза виделась японским политикам со стороны Китая – забегая вперед, стоит отметить, что во многом этот расклад сохранился и спустя целое десятилетие. На регулярной основе военные корабли обеих стран проплывали вдоль спорных островов, в то время как политики из верхних эшелонов власти щедро обменивались туманными ультиматумами: фактически, и Япония, и Китай одинаково желали показать не только свои претензии на Сэнкаку/Дяоюйдао, но и способность реально контролировать эти земли [14. С. 4]. КНР демонстративно упоминается с особенной частотой. Незадолго до написания самой первой версии стратегии национальной безопасности Синдзо Абэ публично указал на опасность со стороны китайских коллег и отказался посещать Пекин (сразу после электоральной победы премьер-министр сослался на отсутствие почвы для визита) [7. С. 9].

Следующие пять лет – вплоть до 2018 года – руководство Японии отказывалось посещать Китай и активно вело полемику с правительством Си Цзиньпина [11. С. 12]. В публичном дискурсе атмосфера обиды чем-то напоминала споры вокруг Такэсимы (иными словами – островов Лианкур) за некоторыми исключениями. Самое явное можно сформулировать следующими словами: Токио не испытывает страха перед Сеулом (Южная Корея не имеет столь мощной армии и является Союзником США: в рамках «системы втулки и спиц» вражда между младшими партнерами Вашингтона недопустима), но опасается Пекина.

Это утверждение было актуально в 2013 году и не только сохранило значимость спустя годы, но также многократно приумножило ее. Сформулированная в СНБ атмосфера страха перед КНР – одна из наиболее очевидных причин ремилитаризации Японии в течении всех 2010-х годов: в 2020-х годах этот процесс продолжился с еще большей силой. Следует отметить, что именно в стратегии 2013 года прослеживается первый контур «агрессивного» курса Японии во внешней политике. Предпосылки к нему не взялись из воздуха: например, еще до прихода к власти Синдзо Абэ обещал в своей предвыборной кампании пересмотреть официальную позицию по 9-й статье конституции в 2012 году. Встав у руля, он не мог предать миллионы избирателей – потомственный политик ориентировался на Вашингтон, но при этом держал дистанцию. Тезис о нависшей над Японией китайской угрозе либерально-демократическое правительство продвигало задолго до того, как недоверие к Пекину стало международным мейнстримом.

Несмотря на «межведомственное соперничество», Синдзо Абэ поборол неповоротливую бюрократию и настроил всех чиновников на одну волну [13. С. 10]. Чтобы страна могла постоять за себя (даже если предметом спора являются маленькие и удаленные острова), были одобрены закупки целого ряда современных вооружений. Среди прочего следует заострить внимание на появившихся в японской армии боевых самолетах F-35, перехватчиках баллистических ракет SM3, беспилотных разведчиках RQ-4 Global Hawk, а также авиационных комплексах E-2D Advanced Hawkeye [1. С. 3]. В те же годы началось «возрождение» авианосного флота в японских силах самообороны (после выхода в свет СНБ 2013 года им было предоставлено право участвовать в военных операциях за рубежом).

Военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке в первой половине 2010-х годов накалялась. Тем интереснее, что в отношениях с РФ Синдзо Абэ сохранял атмосферу конструктивного диалога. В том же 2013 году на территории японской столицы состоялась встреча министров иностранных дел и обороны в формате 2+2: вместе с Сергеем Лавровым занимавший в ту пору должность главы МИД Фумио Кисида обсудил налаживание каналов связи для стратегических переговоров по военной безопасности [12. С. 201]. В первые недели 2014 года глава японского правительства прибыл на Олимпиаду в Сочи – до Украинского кризиса оставались считанные недели, но Синдзо Абэ по-прежнему верил, что сумеет договориться по любым вопросам: от статуса Курильских островов и мирного соглашения до правил поведения в назревающем блоковом противостоянии между Вашингтоном и Москвой.

Таким образом, японская Стратегия Национальной Безопасности 2013 года была сформулирована в период относительной стабильности и процветания Японии. Последствия кризиса 2008 года остались в прошлом; Китай под управлением Си Цзиньпина еще не успел экономически оставить Японию далеко позади (но уже активно выражает первые претензии на военно-политическое лидерство в АТР); во главе страны находится Синдзо Абэ – сильный и прагматичный лидер, поддерживающий доверительные отношения с Владимиром Путиным, а также не допускающий чрезмерной зависимости Токио от Вашингтона (несмотря

на попытки администрации Барака Обамы усилить присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе). СНБ 2013 года была впервые принята «во-многом благодаря решимости премьер-министра Японии С. Абэ определить для Японии более полноправное место среди союзников в военно-политической сфере» [9. С. 167]. Ярко выраженных противников у Японии нет: страна нацелена на открытый диалог со всеми соседями. Власти Японии искренне надеются построить безопасный мир, построенный на взаимовыгодном сотрудничестве всех вовлеченных сторон.

Контекст написания Стратегии Национальной Безопасности Японии 2022. Стратегия Национальной Безопасности 2022 года составлена и обнародована в эпоху предельного обострения международной напряженности. Мировое сообщество не успело выйти из состояния турбулентности после пандемии COVID-19; отношения между КНР и Тайванем обострились в результате визита Нэнси Пелоси; Соединенные Штаты и Китай уже несколько лет находятся в состоянии «торговой войны»; Япония недвусмысленно осудила сначала присоединение Крыма к России, затем объявление независимости ДНР/ЛНР и, наконец, начало Специальной Военной Операции на территории Украины; Синдзо Абэ убит – ему на смену пришли политики непопулярные и несамостоятельные [9. С. 96]; демократическая администрация Джозефа Байдена без стеснения использует Японию в качестве инструмента реализации Индо-Тихоокеанского проекта, в то время как Фумио Кисида все чаще полагается на Соединенные Штаты как на основного гаранта стратегической безопасности

По сравнению с 2013 годом риторика СНБ 2022 года выглядит намного категоричнее. Исходя из обновленного контекста, весь мир в глазах японского руководства заведомо поделен на «правильных» друзей и «неправильных» врагов – ранее такого не наблюдалось, и во многом этот сдвиг можно выделить как прямое следствие форсированной милитаризации АТР, а также роста военно-политической напряженности как в регионе, так и в целом в мире [2]. За прошедшие 9 лет население Японии устало от атмосферы постоянного давления – если раньше 3/4 граждан одобряло проамериканский курс с акцентом на милитаризации, то аналогичные слова в 2022 году привели к рекордному обрушению рейтинга премьер-министра Фумио Кисиды. Впрочем, по состоянию на начало-середину 2020-х годов политические элиты предпочитают игнорировать этот запрос. Все эти годы семимильными шагами укреплялись отношения с Североатлантическим альянсом [15]. Стоит заметить, что страны-члены НАТО (прежде всего, речь идет о руководящих структурах военного блока) активно приветствуют Японию в своих рядах. Каждая страница обновленной Стратегии национальной безопасности сквозит непринятием внешнеполитического курса России – фактически, Япония транслирует тезисы США и Евросоюза про «агрессию», «вторжение» и «геноцид» на территории Юго-Востока Украины. С первых часов СВО японское руководство однозначно приняло позицию западных государств, и по состоянию на конец 2024 года не видит каких-либо альтернатив. Курс на форсированную ремилитаризацию в СНБ 2022 года приобрел свои финальные

очертания. Руководство страны официально согласовало увеличение расходов на оборону до 2% от ВВП (случится это не позднее 2027 года), а также импорт новейших образцов вооружения стран НАТО для превентивной атаки по позициям предполагаемых оппонентов [5. С. 1].

Публикация Стратегии национальной безопасности в редакции 2022 года позволила японскому ВПК строить амбициозные планы. Например, в 2023 году Мицубиси был выдан тендер на 2.86 миллиардов долларов, целью которого является производство ракет под кодовым обозначением Туре 12 [16]. Только к концу 2023 года оборонный бюджет Японии резко вырос на 16%: такими темпами к 2027 году страна войдет в тройку лидеров по тратам на военные нужды (сразу после КНР и Соединенных Штатов) [17]. Необходимо понимать, что в прежних условиях относительно миролюбивого курса в СНБ 2013 столь драматичные изменения за столь короткий срок едва ли представлялись возможными. По всей видимости, в ближайшем будущем (по крайней мере, до конца 2020-х годов) военно-политическая и стратегическая привязка Японии к США будет лишь расти. Тем примечательнее, что в исторической ретроспективе Япония зависела от Соединенных Штатов меньше, чем европейские государства [12. С. 50]. Однако фокус Вашингтона все интенсивнее смещается в сторону азиатского континента. Для американцев иметь такого преданного союзника – это безусловный плюс (как минимум потому, что это позволяет перебросить часть вооружений из Атлантического океана в Тихий) [9. С. 172]. Вопрос в другом – способен ли новый расклад сил принести военно-политические и стратегические дивиденды самой Японии? Озвученные в СНБ 2022 года идеи запросто могут стать – точнее говоря, уже стали – спусковым крючком для тектонических перемен в отношениях с КНР и РФ. В обоих случаях прежде относительно сдержанные отношения становятся все более враждебными и напряженными. Чтобы показать свою решительность, Япония «расправляет крылья» и словом, и делом. К сожалению, дилемма безопасности такова, что усиление Японии не пройдет бесследно в первую очередь для нее самой – и Китай, и Россия будут вынуждены реагировать на провозглашенные в СНБ изменения, что лишь усугубит вопросы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [4. С. 67].

Анализ СНБ 2013 и 2022 года. Количественный и качественный контент-анализ СНБ 2013 и 2022 проводился по трем категориям. «Россия», «Китай», «США». Сравнивалось количество употреблений в нейтральном-позитивном-негативном контекстах, далее проводился анализ контекстов и делались выводы о динамике риторики.

Таблица 1. Динамика изменения частоты упоминаний РФ, КНР и США в СНБ Японии с 2013 по 2022 годы

	2013	2022	Прирост
РФ	3	16	+ 5,3 раза

	2013	2022	Прирост
КНР	25	32	+ 1,28 раз
США	1	7	+ 7 раз

Рисунок 1. Динамика изменения частоты упоминаний РФ, КНР и США в СНБ Японии с 2013 по 2022 годы

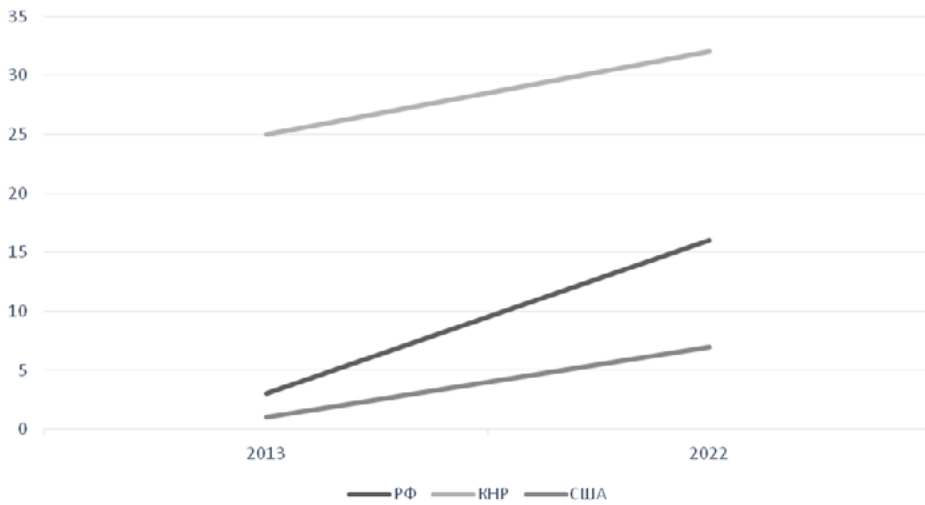
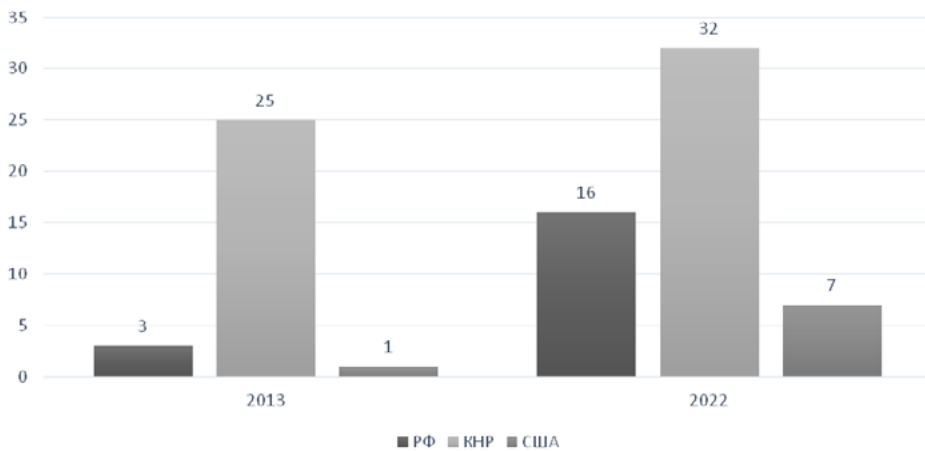

Рисунок 2. Динамика изменения частоты упоминаний РФ, КНР и США в СНБ Японии с 2013 по 2022 годы

Результаты анализа показывают следующее:

В 2013 году руководство Японии нацелено на сотрудничество с российскими коллегами. Несмотря на разногласия, страны продолжают вести переговоры по спорным вопросам – от статуса Курильских островов до военной безопасности в АТР. Япония признает нарастающую мощь КНР – как хозяйственную, так и военно-политическую. Все больше государств мира выстраивают с Китаем тесные связи, что ведет к усилению переговорных позиций Пекина. Как и в случае с Россией, Япония ведет с КНР территориальный спор. При этом повод для опасений не назван напрямую (очевидно, подразумеваются регулярные визиты сторожевых кораблей китайского флота в акваторию островов Сэнкаку/Дяоюйдао). Японские власти указывают на угрозу со стороны КНР, но пока действуют гибко и дипломатично – повсеместно апеллируют к международному праву, а также напоминают о необходимости сохранения добрососедских отношений. Разговоры об ответственности, уважении, прозрачности и конструктивном диалоге обусловлены желанием японской стороны сбавить градус напряжения. На тот момент разговоров о милитаризации японского государства почти нет: либерально-демократическое правительство еще надеется решить дело словом. Союзнические отношения между Японией и Соединенными Штатами упомянуты, но лишь однократно. Угроза со стороны КНР еще не столь велика, отношения с РФ еще не испорчены на почве украинского кризиса (во многом благодаря личным стараниям Синдзо Абэ). Следовательно, необходимость в укреплении неравноправного альянса относительно невелика. В последующие годы риторика о потребности в сближении со «старшим партнером» участится.

Частота упоминания России значительно возросла преимущественно из-за объявления СВО в 2022 году. Негативное восприятие РФ в глазах японских политиков подтверждается такими выражениями как «российская агрессия», «нарушение международного права», «подрывающие мир, стабильность и процветание». Страх перед российскими партнерами проявляется теперь и в контексте «ядерной проблемы»: в 2013 году об этом не шло и речи. Россия обвиняется в осуществлении военной активности вблизи берегов Японии, а также укреплении сотрудничества с КНР (так называемый тезис о глобальном союзе автократий). От переговорного процесса по принадлежности 4 островов не осталось и следа – им на смену пришел дискурс об удерживаемых РФ «северных территориях». Российско-украинский конфликт на страницах СНБ 2022 года во многом примечателен: никакие другие кризисы раньше не привлекали внимание японского правительства. Когда американские войска вторгались в Ирак, Япония молчала; когда французские войска вторгались в Мали, Япония молчала (примечательно, что грузинский кризис 2008 года тоже никак не сказался на российско-японских отношениях). Тем интереснее, что именно СВО перевернула прежде устоявшиеся правила игры. Именно с 2022 года мир оказался поделен на «исключительно правильную» и «заведомо неправильную» команды. Япония и западные страны внесены в одну, а РФ и КНР отнесены ко второй. Токио оставляет пространство для маневра – обещает усилиться и отреагировать на российскую

угрозу таким образом, чтобы обеспечить свою национальную безопасность (без конкретики).

КНР обвиняется в шовинизме и попытке построить «великое государство» в ущерб безопасности соседей по АТР. Затронута тема растущих расходов НОАК на военную технику и снаряжение: с точки зрения японских властей, Пекин стремится таким образом изменить существующий расклад сил как на азиатском континенте в частности, так и в мире вообще. Подобно России КНР обвиняется в том, что бросает вызов международному порядку (правда, пока без слов вроде «агрессия» и «нарушение международной стабильности»). В дополнение к прочим «грехам» на счету КНР оказывается попытка нажиться на зависимости других государств от китайской экономики и проведение учений вблизи тайваньских границ. Руководство Японии напрямую заявляет о своей обеспокоенности, но старается сгладить речь посредством упоминания «общей ответственности за судьбу человечества» и «совместного решения глобальных проблем». В самом конце Токио выражает надежду на развитие конструктивного диалога с Пекином, но после ранее озвученных претензий надежд остается мало. Создается ощущение, что стратегия написана разными группами людей: первые эксперты демонизировали Китай, а их коллеги неожиданно сменили риторический курс на 180 градусов. Упоминания КНР заканчиваются на положительной ноте – в дискурс возвращаются прямоком из СНБ 2013 года переговоры по безопасности; интеграция по линии экономических связей и обмена человеческим капиталом тоже якобы углубится. Возможно ли это на фоне растущего недоверия? Вопрос открытый.

С первых страниц японской стратегии 2022 года подчеркивается мощь и превосходство США. Соединенные Штаты для Японии – главный союзник, поддержка и опора в любой ситуации. Цель либерально-демократического правительства – укрепить альянса еще сильнее даже несмотря на то, что это «цементирует» зависимый статус Токио в привязке к Вашингтону. Следует отметить, что в СНБ 2013 года градус подобострастия был значительно ниже: сказывалось стремление Синдзо Абэ к отстаиванию независимости, которое бесследно исчезло после его отставки в 2020 году. К началу 2020-х годов Япония стала бесспорным сателлитом США – это никем не скрывается как на уровне официальной риторики, так и в плоскости реальной политики.

Таким образом, военно-политическое и стратегическое отношение Японии к союзникам и противникам претерпело как количественные, так и качественные изменения.

Помимо количественного роста упоминаний РФ изменился характер упоминания: «российская агрессия», «нарушение международного права», «подрывающие мир, стабильность и процветание», а также неоднократные упоминания обеспокоенности Японии по поводу укрепления союзнических отношений РФ и КНР (тезис о «глобальном союзе автократий»). Россия упоминается и в контексте «ядерной проблемы», чего не было в СНБ 2013, в осуществлении военной активности вблизи берегов Японии. Готовность продолжать переговоры

по вопросу 4 островов (СНБ 2013) сменилась дискурсом об удерживаемых РФ «северных территориях» в СНБ 2022.

Заключение. Отношения между Японией и Россией на страницах СНБ претерпели наиболее кардинальные изменения. В 2013 году страны вели между собой относительно доверительный диалог, отношения характеризовались стабильностью. Несмотря на отсутствие мирного договора и неурегулированный спор по статусу 4 Курильских островов, и Россия, и Япония были нацелены на построение системы всеобщей безопасности в АТР и не имели экзистенциальных претензий друг к другу (по крайней мере, никто не опускался до столь категоричной риторики, как в 2022 году). Объявление СВО и общий тренд на растущую напряженность радикально повлиял на восприятие России в глазах японского руководства. Появились такие слова, как «агрессия» и «нарушение международного права». Количественное упоминание тоже резко возросло с 3 до 16, что свидетельствует о росте внимания к РФ (преимущественно в негативном ключе). С учетом всплеска недоверия и даже ненависти нормализация отношений между Японией и Россией в обозримом будущем затруднена. Не последнюю роль здесь играют союзнические отношения РФ и КНР (о чем прямо говорится в стратегии), так и твердое намерение японских властей продолжить движение в фарватере Соединенных Штатов – важнейшего оппонента России по состоянию на конец первой четверти 2020-х годов.

Что касается КНР, в 2013 году Япония уже опасалась бурного экономического и военно-политического подъема Китая, но к 2022 году этот страх вышел на принципиально новый уровень. Основные претензии к КНР сводятся к попыткам оспорить территориальную целостность Японии (намек на боевые учения вблизи островов Сэнкаку/Дяюйдао), увеличению расходов на ВПК, проведению независимой политики вразрез с идеалами западных стран, а также партнерские связи с Россией несмотря на попытки ее изоляции. КНР – главная причина для беспокойства японского руководства. И в 2013, и в 2022 годах Китаю посвящено наибольшее число рассуждений. По сравнению с Россией и США (а также любыми другими странами) КНР – абсолютный рекордсмен: 25 упоминаний в 2013 году и 32 упоминания в 2022 году. Япония искренне опасается Китая, но все еще сохраняет надежду договориться с ним на уважительной ноте. В отличие от России, КНР пока не называется «агрессором», но ситуация планомерно идет к этому. Единственная причина, по которой Япония еще не начала открыто демонизировать Китай – это отсутствие прямого вооруженного конфликта с кем-либо из соседей Поднебесной. Стоит отметить, что усиление Китая преподносится японскими властями как угрозу миру и безопасности, но ремилитаризация Японии в этой связи либо не подчеркивается, либо выставляется как необходимость или следствие китайской угрозы. По всей видимости, до конца 2020-х годов тренд на дегуманизацию КНР в официальных документах продолжится.

Наконец, в отношении США, несмотря на, в целом, проамериканскую позицию японского руководства, в стратегии 2013 года Соединенным Штатам уделено минимум внимания: «старший партнер» упомянут только 1 раз. В рабочем

порядке руководство Японии отмечает важность сохранения союзнических связей, но не стремится лишний раз сделать акцент на своей лояльности Вашингтону. В СНБ 2022 года ситуация противоположная: Соединенные Штаты позиционируются как товарищ, защитник и пример для подражания №1. Вместо одного раза теперь упоминаний сразу 7, и все до единого исключительно комплементарные. Причин может быть сразу несколько. Во-первых, уход Синдзо Абэ с поста премьер-министра: преемники отказались продолжать курс на самостоятельность и предпочли примкнуть к одному из полюсов силы. Во-вторых, ощущение уязвимости перед лицом превосходящих по силе соседей: в реалиях напряженной борьбы за лидерство в АТР Япония не только нуждается в абстрактных гарантиях безопасности, но и кровно заинтересована в перенимании передовых практик военного толка у стран коллективного запада (преимущественно США). Если тенденция ухудшения отношений с Россией и Китаем продолжится, то тренд на еще более тесное сближение с Соединенными Штатами также ожидает эволюция. Точные масштабы предстоящей зависимости Японии от США сложно спрогнозировать с большой точностью, однако в одном можно сохранять уверенность наверняка: статус «младшего партнера» за Японией в условиях нового миропорядка закреплен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Вода К.Р.** Япония в условиях американо-китайского соперничества // Вестник ИМЭМО. 2022. № 2 // <https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2022/SvobMysl-022022-Voda.pdf>.
2. **Воронцова А.В.** Современная оборонная политика Японии: ограничения и возможности // Российский Совет по Международным Делах (РСМД). 2023. № 12 // <https://russiancouncil.ru/blogs/snofmo/sovremennaya-oboronная-politika-yaponii-ogranicheniya-i-vozmozhnosti/>.
3. **Иванов А.В., Смирнова О.С.** Перспективы развития японо-американского сотрудничества в области безопасности // Институт международных исследований МГИМО МИД РФ. 2012. № 10 // https://mgimo.ru/upload/docs_3/imi_jap.pdf.
4. **Каюкова Я.** Китай и Япония в контексте безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. СПб., 2023 // https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/43130/2/Kitaj_i_Aponia_v_kontekste_region_bezop_ATR.pdf.
5. **Крячкина Ю.** О новой Стратегии национальной безопасности Японии и ее значении для АТР // Институт Китая и современной Азии РАН. 2023. № 7 // <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/53e49fb5.pdf>.
6. **Ларин В.Л., Афонин Б.М., Кожевников В.В., Хузиятов Т.Д.** Внутренняя и внешняя политика нового правительства Японии // Информационно-аналитический бюллетень ИИАЭ ДВО РАН. 2009. № 4 // <http://ihaefe.org/files/pacific-ocean-map/13.pdf>.

7. **Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б.** Япония в Азии: состояние и перспективы региональных связей // Институт востоковедения РАН. 2014 // <https://book.ivran.ru/f/yaponiya-sostoyanie.pdf>.
8. **Никипорец-Такигава Г.Ю.** Немейнстримный японский политический дискурс в контексте новейших российско-японских отношений // *Общественные науки и современность*. 2023. № 5.
9. **Никипорец-Такигава Г.Ю.** Британо-японское стратегическое партнерство в области обороны и безопасности // *Современная Европа*. 2023. № 7.
10. **Олтаржевский В.П., Пузыня Н.Н.** Международные отношения и внешняя политика государств Восточной Азии. Иркутск, 2013 // http://hist.isu.ru/ru/science/docs/2016/oltarjevskii_puzinea.pdf.
11. **Саипкова А.В., Павельева Э.А.** Стратегические отношения Японии и Китая на современном этапе. Красноярск, 2021 // https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/141425/saipkova_vkr_0.pdf?sequence=1.
12. **Стрельцов Д.В.** Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Ин-т востоковедения РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. М.: Наука – Вост. лит., 2015 // https://mgimo.ru/upload/iblock/3c2/Striltzov-Prioritetyi%20Yaponii.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.
13. **Уразаева Ф.П.** Внешняя политика Японии на современном этапе // *Теории и проблемы международных политических исследований*. 2018. № 4 // <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2018-4/13-urazaeva.pdf>.
14. **Шолкова М.А.** Внешняя политика Японии в разрешении территориальных споров // *Дипломатическая служба*. 2023. № 3 // https://www.dipacademy.ru/documents/6680/C%D1%8F_1.pdf.
15. **Reynolds I.** Japan's Kishida Seeks Major Upgrade of NATO Ties // *Bloomberg*. 2022. № 6 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-29/japan-s-kishida-seeks-major-upgrade-of-nato-ties>.
16. **Takahashi K.** Japan Awards Mitsubishi Heavy Industries \$2.86 Billion Contract for New Standoff Weapons // *The Diplomat*. 2023. № 4 // <https://thediplomat.com/2023/04/japan-awards-mitsubishi-heavy-industries-2-86-billion-contract-for-new-standoff-weapons/>.
17. **Yamaguchi M.** Japan Cabinet OKs record military budget to speed up strike capability, eases lethal arms export ban // *Associated Press*. 2023. № 12 // <https://apnews.com/article/japan-military-budget-us-china-missile-5e1e2c40890b3ca8ea682c2dc91f9553>.

E.R. OSCHEPKOV

Researcher in Asia Studies and International Relations, Faculty of World Economics and World Politics, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF JAPAN'S NATIONAL SECURITY STRATEGIES 2013 AND 2022: CAUSES, COURSE, AND OUTCOMES OF THE EVOLUTION FROM AUTONOMY AND COOPERATION TO DEPENDENCE AND REMILITARIZATION

The National Security Strategy is the main document that allows assessing the consistent approach of the state to the implementation of military-strategic policy. The 2013 NSS was the first document of this format in the entire postwar period. On its pages Japan is presented as independent, relatively peace-loving and ready for dialogue with its neighbors. The fact of stability in negotiations with the Russian Federation and China is stated, and a greater degree of independence is also observed. Japan's updated national security strategy, adopted in December 2022, reflected other political realities: The Ukraine crisis and the Special Military Operation, the Sino-U.S. trade wars, the strengthening of the Sino-Russian partnership, and the general increase in tensions in the Asia-Pacific region. Japan took a more pronounced course toward demonizing Russia and China, and began to sharply increase its military capabilities. Both the 2013 NSS and the 2022 NSS are subjected to content and discourse analysis, and then comparatively analyzed to identify similarities and differences. Conclusions are drawn about a number of characteristics inherent in the Japanese state's security strategy from 2013 to 2022 that suggest Japan's new ambitions in the region as well as its role in the global confrontation between Western countries and non-Western countries, especially Russia and China.

Key words: Japan, Russia, China, USA, Strategy, Security, National Security Strategy, Russian-Japanese relations.